

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

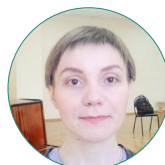
DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.13

Правильная ссылка на статью:

Шабает Ю. П., Садохин А. П., Лабунова О. В., Сазонова Н. Н. Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 248—267. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.13>.

For citation:

Shabaev Yu. P., Sadokhin A. P., Labunova O. V., Sazonova N. N. (2018) Anthropological understanding of the city and urban research methodology. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 248—267. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.13>.

Ю. П. Шабает, А. П. Садохин, О. В. Лабунова, Н. Н. Сазонова АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ГОРОДА И МЕТОДОЛОГИЯ УРБАНИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ
ГОРОДА И МЕТОДОЛОГИЯ УРБАНИ-
СТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

ANTHROPOLOGICAL UNDERSTANDING
OF THE CITY AND URBAN RESEARCH
METHODOLOGY

*ШАБАЕВ Юрий Петрович — доктор исторических наук, заведующий сектором этнографии, Институт языка, литературы и истории, Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия.
E-MAIL: yupshabaev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0867-4662*

*Yury P. SHABAEV¹ — Dr. Sci. (Hist.), Head of Ethnography Department
E-MAIL: yupshabaev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0867-4662*

¹ Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia

*САДОХИН Александр Петрович — доктор культурологии, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Россия.
E-MAIL: sadalpetr@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6420-6601*

*ЛАБУНОВА Ольга Владимировна — аспирант, Институт языка, литературы и истории, Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия.
E-MAIL: ms.labunova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1196-5030*

*САЗОНОВА Наталья Николаевна — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии Санкт-Петербургского горного университета, Санкт-Петербург, Россия.
E-MAIL: sazonova-nata@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8994-1525*

*Alexandr P. SADOKHIN² — Dr. Sci. (Culturology), Professor
E-MAIL: sadalpetr@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6420-6601*

*Olga V. LABUNOVA¹ — Postgraduate Student
E-MAIL: ms.labunova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1196-5030*

*Natalya N. SAZONOVA³ — Cand. Sci. (Philos.), Assistant Professor
E-MAIL: sazonova-nata@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8994-1525*

¹ Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

³ St Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Аннотация. Предметом статьи является анализ города как социального и культурного объекта. Рассматриваются точки зрения зарубежных и отечественных авторов по изучению культурного пространства города, его культурного образа и городской идентичности. Представленные точки зрения и накопленный исследовательский материал позволяют сделать вывод, что вопрос о культурной специфике города находится в начальной стадии исследований. В культурологии, этнологии и социологии урбанистическое направление до сих пор остается неинституционализированным: в стране нет авторитетных центров изучения городских сообществ и городской культу-

Abstract. The article provides an analysis of the city as a social and cultural object. The authors consider different viewpoints expressed by Russian and foreign researchers who study urban cultural space, city's cultural image and urban identities. Based on the views presented in the paper and scientific evidence the authors conclude that the problem of urban cultural image is in its infancy. Urban studies as part of culturology, ethnology and sociology are not institutionalized: Russia lacks solid scientific centers focused on urban communities and urban culture. Anthropological, sociological and ethnological studies of the city are absent from Russian textbooks, unlike foreign textbooks.

ры. В отечественных учебниках ни антропологическое, ни социологическое, ни этнологическое изучение города не представлены самостоятельными научными направлениями, в то время как в классических западных учебниках ситуация противоположная.

В российской науке до настоящего времени до сих пор достаточно четко не определены ни предметное поле российской городской антропологии, ни ее методы, хотя уже проводятся конференции, темой которых обозначается именно антропология города. Дискуссии по поводу предмета и методов уже имели место, но они ограничились констатацией того факта, что город — весьма сложный объект для изучения, и потому при анализе культурных процессов, происходящих в нем, необходим междисциплинарный подход.

Не претендуя на то, чтобы изложить всю проблематику антропологии города, авторы статьи поставили своей целью очертить историческую эволюцию западной и отечественной антропологии города, а также ее актуальные современные проблемы.

Ключевые слова: антропология города, социология города, урбанизм, городская экология, градovedение, городская культура, образ города, метод когнитивного картирования, городская идентичность

Russian science provides no clear idea either about the substantive area of urban anthropology or about its methods; at the same time various conferences related to urban anthropology are conducted. Discussions about the subject matter and methods have taken place but they simply stated that city is a complex object, and an interdisciplinary approach should be applied to study urban cultural processes. The present paper does not claim to set down the full range of problems of urban anthropology and aims to outline its evolution in the Russian and Western world as well as its essential issues.

Keywords: anthropology of the city, urban sociology, urbanism, urban ecology, urban studies, urban culture, city image, cognitive mapping technique, urban identity

Введение

Казалось бы, изучение города как социального и культурного объекта имеет достаточно долгую историю, ибо в мировой и отечественной науке накоплен солидный исследовательский материал, позволяющий оценить культурное развитие и культурную специфику самых разных городов. Но как только начинается практическая работа по изучению культурного пространства конкретного россий-

ского города, его культурного образа, а тем более городской идентичности, так сразу становится очевидным, что ни накопленный исследовательский материал, ни апробированные методы этнографического/антропологического изучения города не позволяют в полной мере понять его культурную специфику.

Пониманию путей и методов антропологического изучения города мешает то, что оно широко развернулось в России относительно недавно. Возрождение антропологического изучения городов связано с расширением предметного поля советской этнографии в 1970-е годы. Примерно тогда же активно стало развиваться и социологическое изучение городской жизни. Однако как в этнологии, так и в социологии урбанистическое направление до сих пор остается неинституционализированным: в стране нет авторитетных центров изучения городских сообществ и городской культуры, в отечественных учебниках социологии и этнологии ни городская социология, ни этнологическое/антропологическое изучение города не представлены как отдельные и самостоятельные научные направления [Кравченко, 2014; Основы этнологии..., 2007], в то время как в классических западных учебниках урбанистические исследования рассматриваются отдельно и основательно [Гидденс, 2005: 495—526; Смелзер, 1994: 243—272]. Впрочем, в наиболее удачных учебниках по социальной антропологии указанной теме уделено должное внимание [Ярская-Смирнова, Романов, 2004].

Тем не менее до сих пор достаточно четко не определены ни предметное поле российской городской антропологии, ни ее методы, хотя уже практически на регулярной основе проводятся конференции, темой которых обозначается именно антропология города [Антропология города..., 2014]. Дискуссии по поводу предмета и методов имели место [Антропологический форум, № 12, 2010: 7—210], но кроме констатации факта, что город — сложный объект для изучения, а при анализе культурных процессов, происходящих в нем, необходим междисциплинарный подход, диспутанты мало что смогли предложить научному сообществу.

Удивительно, но при огромном количестве описаний городов, претендующих на то, чтобы быть представленными как антропологические студии, к самому анализу истории формирования дисциплины и проблемам, связанным с расширением ее методического арсенала, уделяется явно недостаточно внимания.

Даже простого описания, представляющего в сжатой и доступной форме историю развития и современную проблематику данного научного направления (некоего введения в дисциплину) научному сообществу, а особенно начинающим исследователям, не предлагается. Уже появились, конечно, фундаментальные труды, где представлено качественное описание истории развития западной и российской антропологии города [Трубина, 2011], но приблизить эти труды к современной этнологической практике и показать возможные пути научного поиска пока не получается. Не претендуя на то, чтобы изложить всю проблематику антропологии города, мы попытаемся очертить как историческую эволюцию западной и отечественной антропологии города, так и актуальные проблемы сегодняшнего дня.

История изучения города в европейской и англо-американской традициях

Системное изучение городского образа жизни в Западной Европе начинается в первой половине XIX столетия. Первоначально предметом исследо-

ваний было бедственное положение рабочего класса в европейских городах. Основоположниками этого направления стали британские, французские и немецкие ученые [Вальдес Одриосола, 2014: 319—320], а классиками экономического подхода в социологии города считаются К. Маркс и Ф. Энгельс. Город ими понимается как центр концентрации населения, орудий производства, капитала: «Города... были настоящими «союзами», порожденными непосредственными потребностями, заботой об охране собственности и стремлением умножить имевшиеся у отдельных членов средства производства и средства защиты» [Маркс, Энгельс, 2000: 375].

Ф. Энгельс в своем исследовании «Положение рабочего класса в Англии» делал акцент на том, что быстрая индустриализация и урбанизация стали главной причиной поляризации городского населения Великобритании. Данная работа Энгельса интересна своими описаниями английских и ирландских городов. Благодаря достаточно подробным описаниям устройства городов Ф. Энгельс считается родоначальником такого направления в социологии, как социальное картирование городских районов. Позднее, на рубеже XIX — XX вв., развитие это направление развивалось в значительной степени благодаря разработкам английского ученого Ч. Бута. Он одним из первых исследовал бедность как социальное явление, стоял у истоков социального картирования городской среды. В рамках создания новой классификации населения Ч. Бут впервые ввел понятие «черта бедности» [Вальдес Одриосола, 2014: 320].

Тема контраста между городом и деревней присутствует и в творчестве немецкого социолога Г. Зиммеля, который внес существенный вклад в формирование традиций городских исследований — прежде всего в силу оригинальности трактовки образа жизни в крупном городе. Работа Г. Зиммеля «Большие города и духовная жизнь» посвящена анализу различий между большим и маленьким городом, жизнь в котором, как и в деревне, отличается привычным, размеренным ритмом [Зиммель, 2002: 24]. Большой город предоставляет человеку индивидуальную и социальную свободу, но эта независимость есть результат взаимной замкнутости и безразличия.

Новый шаг в социологическом изучении города был сделан М. Вебером в работе «Город» [Вебер, 1994]. Заслуга М. Вебера состоит в том, что он отвлекается от эмпирии и систематизирует типы городов со времен Античности, а также впервые изучает город как административно-политическую систему. В частности, автономность городских поселений, с точки зрения Вебера, возникает вследствие политического развития, а не экономических факторов. Несмотря на определение города на основе специфики социального взаимодействия, немецкий социолог классифицирует города по преобладающему экономическому компоненту (город потребителей / город производителей).

С точки зрения становления социологии города как субдисциплины важнейшую роль сыграло формирование в 1920-х — 1930-х годах Чикагской социологической школы (Р. Парк, Э. Берджесс, Р. Маккензи, Л. Вирт и др.). Но еще в начале XX в. в Америке была популярна практика социальных обследований (social surveys), проводимых энтузиастами-любителями, которые фокусировались на проблемах городов, условиях жизни разных групп населения [Николаев, 2013]. Чикагская

школа продолжила эту традицию, значительно преобразив ее. Уже на первом этапе становления в ней использовалось разнообразие методов, основанных на кейс-стади/историях жизни. Сюда относятся включенное наблюдение, неформальные интервью, изучение документов и официальных отчетов [Житкевич, 2008: 235].

Идейным вдохновителем Чикагской школы был ее интеллектуальный лидер Роберт Парк. Его перу принадлежит программная статья «Город: предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде» [Парк, 2011: 19—56], в которой очерчивались теоретические основы и ведущие направления городских исследований.

Другая принципиально значимая работа Р. Парка «Город как социальная лаборатория» описывает влияние социального окружения на человеческую жизнь. Исследователь здесь определяет город как «особую организацию с типичной биографией», утверждая, что города обладают достаточным сходством, а потому знание, полученное в ходе изучения одного города, могло считаться (до некоторой степени) истинным и в отношении других городов [Парк, 2002].

Вслед за Г. Зиммелем Парк пытается понять социальную сущность крупного города. По его мнению, именно здесь наиболее радикально трансформировалась человеческая среда обитания и индивидам была навязана дисциплина механизированного труда. Отбор и сегрегация населения в больших городах зашли наиболее далеко, что не характерно для небольших городских сообществ [Парк, 2006].

Наблюдая за расширением городских границ, Парк пришел к выводу, что рост города есть более сложное понятие, которое нельзя понимать как простое увеличение численности его жителей. Оно включает процессы, связанные с попытками каждого горожанина обрести свое место в социальной конфигурации города [Парк, 2006].

Ученик и последователь Парка Луис Вирт, развивая идеи учителя, написал одну из наиболее значимых для теории урбанистики работ — «Урбанизм как образ жизни». Благодаря высказанным в ней соображениям, понятие *урбанизм* прочно вошло в научный оборот. По представлениям Вирта, город — это относительно крупное, плотное и постоянное поселение социально гетерогенных индивидов. Перечисленные независимые величины (размер, плотность, гетерогенность) создают особый образ жизни, *урбанизм* [Вирт, 2005: 100].

Урбанизация же, по мнению Л. Вирта, это не просто процесс, посредством которого люди стягиваются в город, встраиваясь в его стиль жизни. Она понимается как формирование специфического городского образа жизни и превращение этого образа жизни в некий культурный образец, который начинает усваиваться и горожанами, и населением, проживающим за пределами городской черты. Американский социолог пошел путем немецкого коллеги Г. Зиммеля, писавшего о значении города: «Город равен совокупности оказанного им за его ближайшими пределами влияния. Это только и есть его настоящий объем, в котором выражается его бытие» [Зиммель, 2002: 31].

Луис Вирт продолжает тему свободы и одиночества в условиях города, также прозвучавшую у Г. Зиммеля. Несмотря на достижение некоторой независимости от личного контроля со стороны близких групп, в городе, как он полагал, индивид

теряет особое чувство участия, типичное для интегрированных сообществ. В городе доминируют отношения полезности, межличностное общение приобретает утилитарный характер, что институционально нашло отражение в умножении числа профессий [Вирт, 2005: 106]. Помимо подрыва традиционных основ социальной солидарности и замены первичных контактов вторичными, урбанизму присущи такие черты, как ослабление родственных уз, падение социальной значимости семьи, исчезновение соседства [Вирт, 2005: 115].

Важнейшим новшеством Чикагской школы при изучении городов является подход, получивший название «городская экология». Его ядром стала идея естественных сообществ как носителей механизмов неосознанной эволюции.

Определенный район — это «естественная» зона, так как он появляется не стихийно и выполняет определенную функцию, хотя данная функция может и противоречить чьим-то планам (как это бывает в случае с трущобами). Естественная зона имеет свою естественную историю. Город, по существу, является концентрацией естественных зон, каждая из которых имеет свою специфическую среду и свою особую функцию в городской экономике. Соотношение естественных зон города также связано с понятием *пригорода* как продолжения городского сообщества.

С другой стороны, каждое сообщество — это и независимое культурное образование, со своими стандартами, представлениями о должном, о том, что достойно уважения. Человек по мере взросления ввязывается в борьбу за статус в сообществе и непременно перемещается из одного района в другой. В любом случае он знает, как более или менее успешно приспособиться к правилам того района, куда он попадает.

Итак, каждый район города является экологической и социальной нишей, как и в природе, ее занимают социально однородные элементы. Город с его естественными районами становится «системой координат», то есть инструментом для контроля наших наблюдений над социальными условиями жизни и человеческим поведением. В целом же городское пространство, включающее кварталы богачей и бедняков, районы рабочих и торговцев и т. д., представляет весьма разношерстную картину и имеет социально неоднородную структуру [Житкевич, 2008: 233—234].

Отсюда проистекает интерес ученых к различным «социальным мирам» — не только территориально ограниченных городских районов, но и мирам различных учреждений, профессий, религиозных общин. Город рассматривался как созвездие или мозаика таких «миров».

Результатами подобных методологических установок стали теория концентрических зон и активное применение метода социального картографирования. В 1920-е годы социологи предоставили обоснованное административное деление Чикаго, территориальное распределение этнических групп. Аналогично изучалось территориальное распределение практически всех значимых социальных проблем: нищеты, преступности, самоубийств, разводов и пр. Во всех случаях эти распределения наносились на карты, которые стали одним из характерных компонентов чикагских социологических исследований.

Другой стороной экологического анализа была практика углубленных полевых исследований. Корни таких проблем, как самоубийства, преступность, проститу-

ция, распад семей, искались в специфике социальной среды. В местах концентрации этих явлений ожидалась подчеркнутая выраженность их социальных условий. Проникновение в эти условия требовало обращения к культурным и социально-психологическим особенностям соответствующих районов Чикаго [Житкевич, 2008: 233—335; Николаев, 2013].

До сих пор речь шла о социологическом изучении городов. С другой стороны, антропология города (*urban anthropology*) как самостоятельное направление исследований окончательно сформировалась в рамках культурной антропологии в 1960-е — 1970-е годы.

Этот процесс во многом был предопределен рефлексией американских антропологов. В их рассуждениях продолжение традиций, заложенных М. Мид во время экспедиций на Самоа и Б. Малиновским в годы работы на Тробрианских островах, означает ограничение предмета культурной антропологии изучением экзотических и изолированных народов. Но было очевидно, что предметное поле антропологии необходимо расширять, исследуя не только сельские сообщества в индустриальных странах, но и «неэкзотические города». Должны рассматриваться такие аспекты городской жизни, как религиозные движения, билингвизм, межрасовые отношения и т. д. [Eames, Goode, 1977: 2].

В комплексе западных исследований по антропологии города доминируют труды, созданные на основе американского материала, который отличается описанием жестко сегрегированной по социально-расовому признаку структуры населения городов. Поэтому традиция изучения городов как сообществ, разделенных практически совпадающими этническими/расовыми, социальными и пространственными границами укоренилась и в Западной Европе [Космарская, 2010].

Общим в поиске принципов исследования городов стало положение об их многоликости. Понимание культурной специфики города требует ориентации на междисциплинарный подход. Это предполагает использование антропологами результатов исследований историков, экономистов, географов, социологов, культурологов и последующее их синтезирование в целостные описания культурной среды городов.

Антропология имеет дело чаще всего не с индивидуальной идентичностью, но с ее культурной формой, которая связана с коллективными представлениями, коллективными образами групп и отождествлением индивида с группой. Исследователи городской жизни обращаются к понятиям *символического пространства, образа города, нарративного пространства*. Последний термин означает, что каждый горожанин по-своему «читает» элементы общей городской среды в силу уникальности конкретных единичных воспоминаний о нем и собственного привычного стиля отношений к нему [Шабаев, Жеребцов, 2013: 3—4].

Лос-анджелесская социологическая школа, возникшая на рубеже XX — XXI вв., при своем принципиальном отличии от Чикагской школы во многом стала ее преемницей. Оригинальность работ представителей этой школы состоит в анализе архитектурного пространства как градообразующей социокультурной составляющей городов.

Исследования городской архитектуры популярны и на европейском континенте (В. Беньямин, М. Фуко, Э. Блох и др.). Например, творчество французского

философа и теоретика культуры М. Фуко востребовано в том числе и по причине предложенных им архитектурных метафор. Фуко ввел в научный оборот понятие *гетеротопии* — объектных и социально-пространственных систем, с помощью которых осуществляется выработка культурных норм. Суть идеи состоит в выявлении влияния архитектурно-пространственных характеристик среды на формирование правил социального поведения. Гетеротопии — вполне реальные места, как и главное свидетельство скрытой мифологии общества, задающей общественный порядок [Вальдес Одриосола, 2014: 322—323].

В целом же современная западная антропология города исследует широкий спектр проблем, но анализ культурного пространства, культурных границ и образов, городских сообществ и культурных групп горожан непременно присутствует в ее проблематике.

Феномен города в российском интеллектуальном наследии

Российская традиция изучения города столь же глубока, сколь и западная. Характерной чертой российского интеллектуального поиска является то, что первое заметное внимание к феномену города проявилось еще в первой половине XIX в. преимущественно в литературных кругах. В 1844—1845 гг. публикуется сборник литературных трудов «Физиология Петербурга». Он стал первой попыткой описания культурного пространства Санкт-Петербурга, а точнее — его «второй природы», под которой понимался «петербургский годовой обиход пороков и добродетелей, мыслей, дел, политики и даже, пожалуй, поэзии» [Анциферов, 1922].

Позднее, на рубеже XIX и XX вв., в России оформилась оригинальная научная школа гуманитарного исторического градоведения. Она рассматривала городские поселения не только и не столько как центры экономической и политической жизни, но именно как особое культурное явление. Видными представителями направления были И. М. Гревс и Н. П. Анциферов.

Для И. М. Гревса характерно натурфилософское понимание сущности города: «Его [т.е. город] надо понять, как нечто внутреннее, цельное, как особый «субъект», собирательную личность, живое существо, в «лицо» которого мы должны вглядеться, понять его «душу», познать и восстановить «биографию» города» [Алисов, 2013].

Развивая взгляды своего учителя, Н. П. Анциферов писал о городе как «культурно-историческом организме», составляющем единое неразрывное целое со своим населением. Он формулирует понятие *души города*: «Исторически проявляющееся единство всех сторон его жизни (сил природы, быта населения, его роста и характера его архитектурного пейзажа, его участие в общей жизни страны, духовное бытие его граждан) и составляет душу города» [Анциферов, 1922]. В работе «Душа Петербурга» (1922 г.) Н. П. Анциферов выявлял культурный облик Петербурга через анализ художественной литературы, поэзии, беллетристики. Заметим, что и сегодня по сути примордиалистские представления о городе как «коллективном/идеальном теле» и о «душе города» активно используются исследователями в качестве неких инструментов, с помощью которых авторы характеризуют культурную среду городов [Мазалова, 2015; Морозов, 2015].

Отечественная традиция антропологии/этнографии города была продолжена краеведческими исследованиями 1920-х годов. В журнале «Краеведение», выхо-

дившем с 1923 по 1929 гг., освещались местные традиции и обычаи, в том числе городские. А само краеведческое изучение города рассматривалось как серьезная теоретическая проблема [Миронов, 1925]. С разгромом краеведения, прекращением социологических исследований и переквалификацией этнологии в этнографию, то есть с 1930-х годов, городские сообщества выпали из поля зрения советского обществоведения. Развитие городов стало восприниматься только как градостроительная задача, а потому единственной площадкой, где так или иначе рассматривалась проблематика культурной среды города, был журнал «Архитектура СССР».

Возрождение изучения города в виде исследовательской специализации произошло на 70—80-е годы XX в. [Соколовский, 2001], о чем свидетельствуют отдельные публикации в тематических сборниках [Рабинович, 1971; Юхнева, 1977] и научных периодических журналах [Будина, Шмелева, 1977].

В 1979 г. в советской гуманитарной научной среде было принято решение о координации изучения этнографии городов и промышленных поселков в различных регионах СССР.

Основные направления этнографического изучения городов были по большей части те же, что при описании культурных традиций сельского населения [Рабинович, Шмелева, 1981: 28]. Однако еще в начале 1980-х годов советские этнографы осознавали, что город как сложный объект анализа, отличающийся от привычных для исследователей сельских этнических групп, требует взвешенного подхода к применяемым методикам. Процессы городской жизни многовариантны — безусловно, это относится к трансформации этнической традиции и этничности в городской среде.

В дальнейшем в отечественной науке утвердился взгляд на город как социокультурный феномен, что нашло отражение в целом ряде исследований.

Ю. М. Лотман дает понятие города как живого организма [Город и время, 1993: 84]. Оригинальность его представлений о городе связана с научно-историческим анализом определенной эпохи, в которой город предстает как символическое выражение ключевых общественно-политических, культурных особенностей времени. Известный семиотик противопоставляет Санкт-Петербург и Москву, связывая образы городов с конкретными эпохами. Ученый анализирует культурно-исторические черты обеих столиц в преломлении господствующих тенденций эпохи¹.

В. Никитин пишет, что происхождение и историко-культурный смысл становления городов можно понимать по-разному. Согласно одному подходу, город — это форма «закрепления особых фокусов территорий, мест проявления действий высших духовных сил»². В культуре Европы это выражено через идею небесного града, образца для всех земных городов. Здесь история христианской цивилизации трактуется как история воплощения идеи небесного града в формах общественного устройства. Тезис о проектировании города с опорой на дух места, получивший распространение в 60-е — 70-е годы XX в., является современным мирским восприятием функции города как посредника между видимым и невидимым мирами, земным и небесным.

¹ Лотман Ю. В точке поворота // Литературная газета. 12.06.91. № 23(5349).

² Никитин В. Принцип города: организационное представление. URL: <http://v2.circleplus.ru/personalia/odi/nikitin/pg/main.html> (дата обращения: 19.06.2018).

В ином понимании город — это особого рода пространственно-временная организация, где активизируются процессы социокультурного развития. Если воспользоваться понятием *хронотоп* (М. М. Бахтин), то город — хронотоп, в котором ускоряются процессы взаимодействия в обществе: обмен, общение, кооперация и пр. Возникновение такого хронотопа подразумевает выделение его в окружающей среде, механизмы отграничения³.

С. Смирнов описывает город как форму становления человеческой культуры: «Город — это определенная культурная идея, причем онтологическая, рамочная, конституирующая все остальное. Она кладется в основание всякого проектирования в качестве исходного, предельного замысла, идеала»⁴. Исходя из этого очевидно, что важно рассматривать город не просто как эмпирический объект, совокупность инфраструктур и магистралей, комплекс инженерных сооружений, но особую исторически сложившуюся культурную форму. Упадок городской среды, по мнению исследователя, начинается с «вымывания» культурных центров как средоточий образцов традиционной культуры. Важное значение придается наличию литературных образов города как неких зеркальных форм, где наиболее полно была воплощена идея города: «Есть Петербург А. С. Пушкина, есть Петербург Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, Андрея Белого. Это все разный город»⁵.

Согласно подходу Б. В. Маркова, в городе заключено начало цивилизации. Он трактует городское пространство двояко. В физическом плане оно включает здания, улицы, площади. Символическое его понимание осуществляется в сознании и открыто для того, кто обладает способностью воспринимать скрытую и шифрованную сакральную, политическую, моральную топографию [Марков, 1997].

М. С. Каган делает акцент на городской культуре и факторах своеобразия городов. Он рассматривает культуру как сложное, но целостное образование, охватывающее духовную, материальную, художественную сферы жизни в их взаимосвязи, единстве. Культура городов имеет три измерения: духовно-человеческое, процессуально-деятельностное и предметное. Реальную жизнь можно представить в виде постоянного перетекания одной модальности в другую [Каган, 2008: 15—16].

Исходным фактором анализа городской среды, как считает М. С. Каган, является географический или природный. Помимо климатических условий жизни горожан сюда включается и характер ландшафта, в который вписан город (наличие/отсутствие реки, моря, гор и т. д.). Второй показатель — социальный статус города, а также основная направленность деятельности горожан.

Особо значим в культуре городов архитектурный облик. Неслучайно одно упоминание имени города вызывает в памяти прежде всего его архитектурные образы и символы. Это имеет значение не только эстетическое, но и психологическое, так как пространственно-пластическая структура города выражает структуру психики его создателей, оказывая прямое влияние на обыденное сознание горожан [Каган, 2008: 21—22].

³ Там же.

⁴ Смирнов С. Антропология города или о судьбах философии урбанизма в России URL: <http://textarchive.ru/c-2500593.html> (дата обращения: 19.06.2018).

⁵ Там же.

Конечно, культурное пространство и культурные образы городов также становятся объектом изучения, но таких работ весьма немного и, пожалуй, одной из наиболее удачных, на наш взгляд, является монография, посвященная анализу пространственной среды и символических образов постсоветского Улан-Уде [Постсоветский..., 2012]. Но все же чаще всего исследователи обращают внимание на отдельные, хотя и весьма значимые локусы культурного пространства города. Среди них пока наибольший интерес представляют городские рынки, через анализ культурной среды которых исследователи пытаются представлять образы городских сообществ в целом и характер их культурной трансформации [Григоричев, 2015; Тимошкин, 2017].

Сегодня изучение городов становится еще более масштабным и разнообразным. Но при этом сохраняется практика, сложившаяся еще в советские годы, когда города описывались в основном как экономические агенты, социальные и политические сообщества или специфические формы расселения [Шабаев, Жеребцов, 2013: 8]. Качественные исследования культурной среды городов немногочисленны, хотя уже сегодня намечены приоритетные направления в этой предметной области (отдельный город как текст, образы городов в культуре, современный городской фольклор, субкультурная стратификация и особенности субкультуры и др.) [Разумова, 2010].

Для российской антропологии города, согласно многим наблюдениям, принципиален вопрос о методологии анализа городской среды. Подчеркивается, что «методики исследования, если они оговариваются, во многом определяются поставленными задачами, а не областью знаний» [Садовой, 2010]. Вместе с тем для современно российской исследовательской традиции, как и для западной urban anthropology, характерна не только «фрагментированность урбанистических исследований», которая создает «проблему понимания» города [Eade, Mele, 2002: 3], но также очевидная методическая неопределенность [Трубина, 2011].

Проблема предмета и метода

Городская антропология на Западе является отраслью антропологии, связанной с изучением проблем урбанизации, моделей жизни в городе, городского пространства, городских социальных групп, социальных связей и отношений в городе, рассматриваемых в различных исторических и культурных контекстах [Merry, 1997: 479—480]. Ключевые проблемы современной западной антропологии города формулируются еще шире, но культурные/этнографические аспекты городской жизни в перечне актуальных проблем антропологического познания города занимают достаточно скромное место, хотя американский антрополог Дональд Нонини подчеркивает не только значимость этнографического/антропологического изучения города, но также и то, что этнографическое изучение города требует решения теоретических вопросов и анализа проблем, связанных с глобализацией, идентичностью, социальными взаимодействиями, и представляет собой «важный инструмент и набор методологий, которые должны быть проблематизированы и переформулированы», когда начинается практическое изучение городов и городских сообществ [Nonini, 2014: 1].

Поскольку российская антропология города выростала из этнографии, логично предположить, что культурное пространство города должно изучаться в контексте этничности, то есть она должна сосредотачиваться на описании культурно-бытовой специфики этнических групп горожан. Фактически так и происходит, о чем можно судить по монографии Н. Томилова, обобщающей опыт этнографического изучения сибирского города [Томилов, 2010].

При этом в западной антропологии города этничность рассматривается как одна из форм городских субкультур. Если не принимать во внимание частности, то следует признать, что именно таким способом вели изучение этнических групп в городе советские, а затем российские исследователи, осуществляя проекты, связанные с этнографическим изучением городских традиций.

При этом следует согласиться, что «теоретические модели «этничности» и «субкультуры», сложившиеся в рамках социального конструктивизма и постструктурализма, демонстрируют общность методологических оснований и механизмов их использования для анализа практик групповых различий, поскольку отражают базовую для западного этнокультурного дискурса поляризацию «Я (мы, свои) / Другой». Теоретическая модель этнической субкультуры подчеркивает множественность и амбивалентность социального позиционирования индивида в глобализационном контексте, а также используется в процессе деконструкции монолитности и статичности объективистского понимания категории «этническая культура» [Соловьева, 2009: 15].

Но можно ли вообще оперировать понятием «этническая культура» при анализе городских сообществ и не следует ли нам проблематизировать и переформулировать задачи этнографического изучения города, как призывает профессор Нонини? Нам представляется, что возможности использования категории «этническая культура» в условиях унификации и стандартизации городской жизни, а особенно в условиях жизни в арктических городах, весьма ограничены, ибо отдельные элементы этнических культур, которые вкраплены в общегородской культурный ландшафт, если и должны попадать в поле зрения исследователя, то только после того, как будет ясно, *каков обобщенный культурный образ города, сложившийся в представлениях горожан, как культурно маркируется пространство города, что собой представляет городская идентичность*. Таким образом, мы выделяем три ключевых компонента в предметном поле антропологического изучения современного города и особенно такого специфического городского образования, как город в Заполярье: *образ, пространство, идентичность*. При этом стоит еще раз подчеркнуть, что речь идет о культурном образе, культурном пространстве и культурной идентичности.

Но далее возникает справедливый вопрос: что есть образ города и можно ли вообще как-то формализовать вербальные и визуальные образы, формируемые в результате взаимодействия горожан с окружающим их социальным и архитектурным пространством? Можно ли отраженные обычные и достаточно аморфные представления о городской среде и горожанах неким образом систематизировать?

Нам представляется, что строить образ города целесообразно с помощью так называемой когнитивной карты.

Метод когнитивного картирования, на наш взгляд, может быть полезным дополнением к сравнительно-историческому анализу и традиционным этноло-

гическим исследовательским практикам (наблюдение, интервью, включенные наблюдения), а также методам социологического и статистического анализа городской жизни. В когнитивных науках и теоретической психологии «когнитивная карта» — это репрезентация в сознании географического пространства, которая позволяет индивиду находить дорогу к удаленной цели [Downs, Stea, 1973; Allen, 1999].

В антропологическом изучении города этот метод был использован Кевином Линчем в работе «Образ города», который полагал, что образ можно выстроить, используя три компонента: структуру, идентичность и значения [Lynch, 1990: 9]. Ментальная карта городского пространства, построенная и проанализированная Линчем, есть некое отражение представлений о социальном пространстве города и городе как социальной сущности, которые формируются в сознании горожанина и его представлениях. Ориентируясь на деловые районы Бостона, Джерси-Сити и Лос-Анжелеса и используя интервью и анкеты, в которых опрашиваемых просили описать по памяти их городскую среду, Линч делает предположение, что отчуждение, характерное для жизни в городе, напрямую связано с мысленной некартографируемостью местных городских видов.

Методика когнитивного картирования родилась в рамках когнитивной психологии, центральным понятием которой выступает «схема» (карта). Она представляет собой графическое отображение имеющегося в сознании человека плана (стратегии) сбора, переработки и хранения информации о его социальном пространстве, а следовательно, является основой его представлений о прошлом, настоящем и будущем. Когнитивная карта — это как бы умственное изображение среды [Jameson, 1988: 347—358]. Различные элементы городской среды представляет собой некие символические и пространственные примеры, которые отражают интересы и ожидания определенных социальных групп [Castells, 1983: 103]. Отталкиваясь от названных идей и трансформируя их, можно переносить восприятие городской среды, характерное для горожан, на воображаемую карту и строить ментальные карты городского пространства, свойственные каждой эпохе, в его развитии, что в полной мере применимо к пониманию городского пространства. Однако, на наш взгляд, ментальная карта вовсе не обязательно должна оформляться графически — она не иллюстративный материал, а способ описания символического пространства города и его образа. И здесь следует согласиться с тем, «что ключевую роль в успешной «прививке» тех или иных представлений массовому сознанию, то есть в обретении этими представлениями «социального измерения», играют именно образы» [Соколовский, 2001: 13].

Не менее значимым при изучении городской культурной среды является анализ групповой идентичности, которая преимущественно и находится в фокусе внимания антропологов. В последние годы активно изучается проблема идентичности, способов и форм идентификации личности с социальной средой, и нам представляется интересным подход Харрисона Уайта. Идентичность, по Уайту, производится непосредственно в процессе интеракции, она формируется в результате не целенаправленного обретения фиксированного образа «я», а пульсирующего движения, в ходе которого мы занимаем определенное место в повседневной социальной жизни и осуществляем контроль за его фиксацией. Идентичность

формируется через несколько этапов сетевого социального взаимодействия, как некое «путешествие» личности по «сетевым сферам» [White, 2008].

Заключение

В данной работе не ставилась задача глубинного анализа развития антропологии города как дисциплины или освещения всех значимых проблем отечественной этнографии города. Авторы лишь солидаризировались с мнением, что для современного научного поиска, и особенно гуманитарной научной традиции, характерно доминирование редукционистского мышления и фрагментированного знания [Capra, Lusini, 2014]. Но нам представляется, что для понимания города надо «читать» так называемый «городской текст» через самопонимание и самоощущения его жителей, через образы города, рожденные в сознании горожан, через городскую идентичность.

Список литературы (References)

Алисов Д. А. Урбанизация и культура // Городская культура Сибири: история и современность. Сборник научных трудов по результатам Всероссийской научной конференции и трех Всероссийских научно-практических семинаров / Сибирский филиал российского института культурологии ; Омский государственный университет ; Омский филиал объединенного института истории, филологии и философии СО РАН. 1997. С. 3—15.

Alisov D. A. (1997) Urbanization and culture. In: Urban culture of Siberia: history and modernity. Collection of scientific papers on the results of the All-Russian Scientific Conference and three All-Russian scientific and practical seminars. Siberian Branch of the Russian Institute of Cultural Studies; Omsk State University; Omsk branch of the united institute of history, philology and philosophy of the SB RAS. P. 3—15. (In Russ.)

Антропология города: Материалы конференции молодых ученых. Москва, 4—6 декабря 2013 г. М. : ИЭА РАН. 2014.

Anthropology of the city: Proceedings of the conference of young scientists. Moscow, December 4—6, 2013 (2014). Moscow: IEA RAS. (In Russ.)

Анциферов Н. П. Душа Петербурга. СПб. : Брокгауз-Ефрон. 1922.

Antsiferov N. P. (1922) The soul of Petersburg. St. Petersburg: Brockhaus-Efron. (In Russ.)

Будина О. Р., Шмелева М. Н. Этнографическое изучение города в СССР // Советская этнография. 1977. № 6. С. 21—31.

Budina O. R., Shmeleva M. N. (1977) Ethnographic study of the city in the USSR. *Soviet Ethnography*. No. 6. P. 21—31. (In Russ.)

Вальдес Одрисола М. С. Эволюция социологических теорий города XIX—XX вв. // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 319—325.

Valdes Odriosola M. S. (2014) The Evolution of Sociological Theories of the City of the 19th-20th Centuries. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 2. P. 319—325. (In Russ.)

Вебер М. Город // Избранное. Образ общества. М. : Юрист. 1994. С. 309—440.

Weber M. (1994) *The City*. In: *Weber M. Selected works. The image of a society*. Moscow: «The Lawyer». P. 309—440. (In Russ.)

Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Избранные работы по социологии. М. : ИНИОН РАН. 2005. С. 93—118.

Wirth L. (2005) *Urbanism as a Way of Life*. In: *Wirth L. Selected Works in Sociology*. Moscow: INION. P. 93—118. (In Russ.)

Гидденс Э. Социология / при участии К. Бардсолл : пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. М. : Едиториал УРСС. 2005.

Giddens E. (2005) *Sociology / with the participation of K. Berdsall; translated from English*. 2nd edition, completely revised and supplemented. Moscow, Editorial URSS. (In Russ.)

Город и время: интервью с Ю. М. Лотманом // Метафизика Петербурга : Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. СПб., 1993. Вып. 1. С. 84—95.
Town and time: an interview with Yu. M. Lotman (1993) / Metaphysics of St. Petersburg: St. Petersburg reading on the theory, history and philosophy of culture. SPb., No. 1. P. 84—95. (In Russ.)

Григоричев К. В. Китайский рынок как точка сборки городского пространства // Этнические рынки в России. Пространство торга и место встречи. Иркутск : Изд-во ИГУ. 2015. С. 86—104.

Grigoriev K. V. *The Chinese market as a point of assembly of urban space*. In: *Ethnic markets in Russia. Bargaining space and meeting place*. Irkutsk: Izd-vo IGU. 2015. P. 86—104. (In Russ.)

Житкевич В. В. Метод социального картографирования в рамках исследований социальных проблем города представителями Чикагской школы социологии 1920—1930 гг. // Вестник Бурятского государственного университета. 2008. № 5. С. 232—235.

Zhitkevich V. V. (2008) *The method of social mapping in the field of researches of city's social problems by representatives of the Chicago sociology school in 1920—1930 years*. Bulletin of Buryat State University. No. 5. P. 232—235. (In Russ.)

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3—4. С. 23—34.
Simmel G. (2002) Large city and the spiritual life. Logos. No. 3—4. P. 23—34. (In Russ.)

Каган М. С. История культуры Петербурга : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Социально-культурная деятельность» СПб. : СПбГУП. 2008.

Kagan M. S. (2008) *The history of culture of St. Petersburg: a textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty «Social and cultural activity»*. St. Petersburg: SPbGUP. (In Russ.)

Космарская Н. Исследования города // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 74—85.

Kosmarskaya N. (2010) *Studies of the city*. Anthropological forum. No. 12. P. 74—85. (In Russ.)

Кравченко С. А. Социология : учебник в 2-х т. М. : Юрайт. 2014.

Kravchenko S. A. (2014) *Sociology. A textbook. In two vols.* Moscow: Urait. (In Russ.)

Мазалова Н. «Опальный принц в империи лотков и суеты»: чувствования горожан в современном Петербурге // *Инновации в антропологии: новые направления, объекты и методы в российских антропологических исследованиях* / отв. ред. С. Соколовский. М. : ИЭА РАН. 2015. С. 123—138.

Mazalova N. (2015) *Disgraced Prince in the Empire Trays and Fus.* In: *Innovation in Anthropology: new directions, objects, and methods in Russian anthropological studies* / Ed. S. Sokolov. M.: IEA RAS. P. 123—138.

Марков Б. В. *Философская антропология. Очерки истории и теории.* СПб. : Лань. 1997.

Markov B. V. (1997) *Philosophical anthropology. Essays on the history and theory.* St. Petersburg: Lan'. (In Russ.)

Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // *Маркс К. Социология.* М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. 2000. С. 177—324.

Marx K., Engels F. (2000) *German Ideology.* In: *Marx K. Sociology.* Moscow: KANON-press-C, Kuchkovo pole. P. 177—324. (In Russ.)

Миронов П. *Краеведение в вопросах градоустройства* // *Краеведение.* 1925. № 3—4. С. 218.

Mironov P. (1925) *Lore in zoning matters. Study of Local Lore.* No. 3—4. P. 218. (In Russ.)

Морозов И. «Идеальные тела» в контексте идентичности горожан // *Инновации в антропологии: новые направления, объекты и методы в российских антропологических исследованиях* / отв. ред. С. Соколовский. М. : ИЭА РАН. 2015. С. 139—151.

Morozov I. (2015) «Ideal body» in the context of the identity of the townspeople In: *Innovation in Anthropology: new directions, objects, and methods in Russian anthropological studies* / Otv. Ed. S. Sokolov. M.: IEA RAS. P. 139—151.

Николаев В. *Городские исследования и Чикагская школа* // *UrbanUrban.ru.* 2013. URL: <http://urbanurban.ru/blog/education/246/Gorodskie-issledovaniya-i-chikagskaya-shkola> (дата обращения: 19.06.2018).

Nikolaev V. (2013) *Urban Research and the Chicago School.* *UrbanUrban.ru.* URL: <http://urbanurban.ru/blog/education/246/Gorodskie-issledovaniya-i-chikagskaya-shkola> (accessed: 19.06.2018) (In Russ.).

Основы этнологии : учебное пособие / под ред. проф. В. В. Пименова. М. : Изд-во МГУ. 2007.

Basics of Ethnology: A Study Textbook (2007) Ed. by V. V. Pimenov. Moscow: MSU. (In Russ.)

Парк Р. *Город как социальная лаборатория* // *Социологическое обозрение.* 2002. Т. 2. № 3 С. 3—12.

Park R. (2002) *The City as a Social Laboratory. The Russian Sociological Review.* Vol. 2. No. 3. P. 3—12 (In Russ.)

Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 11—18.

Park R. (2006) The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order. The Russian Sociological Review. Vol. 5. No. 1. P. 11—18 (In Russ.)

Парк Р. Э. Город: предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде // Парк Р. Э. Избранные очерки : сборник переводов. М. : ИНИОН РАН ; Центр социал. научн.-информ. исследований. 2011. С. 19—56.

Park R. E. (2011) The City. Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment. In: Park R. E. Selected essays. Moscow: INION RAN. P. 19—56. (In Russ.)

Постсоветский Улан-Уде: культурное пространство и образы города (1991—2012 гг.). Улан-Уде : Изд-во Бурятского госуниверситета. 2012.

Post-Soviet Ulan-Ude: cultural space and images of the city (1991—2012). (2012). Ulan-Ude: Buryat State University. (In Russ.)

Рабинович М. Г. Ответы на программу Русского географического общества как источник для изучения этнографии города // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер. М., 1971. Т. 95. С. 36—61.

Rabinovich M. G. (1971) Answers to the program of the Russian Geographical Society as a source for studying the ethnography of the city. In: *Proceedings of the Institute of Ethnography named after. N. N. Miklouho-Maclay.* New Ser. M. Vol. 95. P. 36—61. (In Russ.)

Рабинович М. Г., Шмелева М. Н. К этнографическому изучению города // Советская этнография. 1981. № 3. С. 23—34.

Rabinovich N. G., Shmeleva M. (1981) To the ethnographic study of the city. *Soviet Ethnography.* No. 3. P. 23—34.

Разумова И. А. Исследования города // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 148—156.

Razumova I. A. (2010) Studies of the city. *Anthropological forum.* No. 12. P. 148—156. (In Russ.)

Садовой А. К проблеме развития городской антропологии в субъектах РФ // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 185—191.

Sadovoy A. (2010) On the problem of the development of urban anthropology in the subjects of the Russian Federation. *Anthropological Forum.* No. 12. С. 185—191. (In Russ.)

Смелзер Н. Социология / пер. с английского. М. : Феникс. 1994.

Smelser N. (1994) Sociology / Trans. from En. Moscow: Phoenix. (In Russ.)

Соколовский С. В. Образы Других в российской науке, политике и праве. М. : «Путь». 2001.

Sokolovsky S. V. (2001) The images of others in Russian science, politics and law. М.: «The Way». (In Russ.)

Соловьева А. Н. Модели концептуализации этнических субкультур в глобально/ локальном пространстве : автореф. дис. ... докт. философ. наук. М., 2009.
Solovyeva A. N. (2009) Models of conceptualization of ethnic subcultures in a global / local space. Author's abstract. dis. Doct. philos. Sciences. Moscow. (In Russ.)

Тимошкин Д. Рынок уехал, «Шанхайка» осталась: открытый рынок в Иркутске как метафора освоения символического пространства города // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Том XX. № 1 (89). С. 56—73.
Timoshkin D. (2017) The market left, «Shankhaika» remained: the open market in Irkutsk as a metaphor for mastering the symbolic space of the city. Journal of Sociology and Social Anthropology. Vol. XX. No. 1 (89). P. 56—73. (In Russ.)

Томилов Н. А. Народная культура городского населения Сибири: очерки историографии и теории историко-этнографических исследований. Омск : ООО «Издательский дом «Наука»» 2010.
Tomilov N. A. (2010) Folk culture of the urban population of Siberia: Essays on historiography and theory of historical-ethnographical research. Omsk: Publishing House «Science». (In Russ.)

Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. М. : Новое литературное обозрение. 2011.
Trubina E. (2011) City in theory: Experience understanding of space. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)

Шабаев Ю., Жеребцов И. Введение // Антропология города. Выпуск 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность / под ред. Ю. П. Шабаева, И. Л. Жеребцова. Сыктывкар : Институт языка, литературы и истории Коми Научного Центра УрО РАН. 2013. С. 3—9.
Shabaev Yu., Zherebtsov I. (2013) Introduction. In: Anthropology of the City. Vol. 1: Cultural Symbols and Images in the City Space: Ethnic and Urban Identity. Ed. by Yu. P. Shabaev, I. L. Zherebtsov. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History Komi Science Centre of UD RAS. P. 3—9. (In Russ.)

Юхнева Н. В. Этнический состав населения Петербурга в конце XIX — начале XX вв. // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л. : Наука. 1977. С. 192—216.
Yuhneva N. V. (1977) Ethnic composition of the population of St. Petersburg in the late XIX — early XX centuries. In: Ethnographic research of the North-West of the USSR. L.: Science. P. 192—216. (In Russ.)

Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Социальная антропология. Серия «Высшее образование». Ростов-на-Дону : «Феникс». 2004.
Yarskaya-Smirnova E. R., Romanov P. V. (2004) Social anthropology. Series «Higher education». Rostov-on-Don: Phoenix. (In Russ.)

Allen G. L. (1999) «Spatial abilities, cognitive maps, and wayfinding: bases for individual differences in spatial cognition and behavior». In: *Wayfinding behavior: cognitive mapping and other spatial processes* / Ed. by Reginald G. Golledge. Baltimore: The Johns Hopkins University Press. P. 46—80.

Capra F., Lusini P. L. (2014) *The System View of Life: A Unifying Vision*. Cambridge University Press.

Castells M. (1983) *The City and The Grass Roots: A Cross-cultural Theory of Urban Social Movements*. London: Edward Arnold.

Downs R. M., Stea D. (1977) *Maps in Minds: Reflections on Cognitive Mapping*. New York: Joanna Cotler Books.

Eade J., Mele C. Introduction. *Understanding the City*. In: *Understanding the City. Contemporary and Future Perspectives* / Ed. By John Eade and Christopher Mele. Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 2002. P. 1—25.

Eames E., Goode J. G. (1977) Part I. What is Urban Anthropology? In: Eames E., Goode J. G. *Anthropology of the City. An Introduction to Urban Anthropology*. New Jersey: Prentice-Hall. P. 10—11.

Jameson F. (1988) *Cognitive Mapping*. In: *Marxism and the Interpretation of Culture* / Ed. by C. Nelson and L. Grossberg. Urbana and Chicago: University of Illinois Press. P. 347—358.

Lynch K. (1990) *The Image of The City*. Cambridge MA: MIT Press.

Merry S. E. (1997) *Urban Anthropology*. In: *The Dictionary of Anthropology* / Ed. by Thomas Brfield. Oxford: Blackwell. P. 479—480.

Nonini D. (2014) Introduction. In: *A Companion to Urban Anthropology* / Ed. by Donald M. Nonini. Malden: Willey-Blackwell. P. 1—15.

White H. C. (2008) *Identity and Control: How Social Formations Emerge*. Princeton: Princeton University Press. 2008.